

В.Г.Дидковская

## СИНТАГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ ИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В статье анализируется сочетаемость глагольных фразеологизмов в диахроническом аспекте: в литературном языке XVIII в. и современном русском языке. Сопоставляя способы выражения субъектного и объектного окружения, автор выявляет некоторые общие тенденции развития семантической структуры фразеологизмов, которые рассматривает как свидетельства совершенствования фразеологической системы русского языка.

**Ключевые слова:** фразеологизм, фразеологическая система, семантическая структура, синтагматика, окружение

Идея исторической изменчивости языка остается одним из центральных положений лингвистической науки. Изучение характера и интенсивности изменений на разных уровнях языковой системы и сопоставительный анализ этих процессов представляли и представляют значительный интерес. Результатом длительных наблюдений был общий вывод о том, что содержание и ход эволюции разных языковых единиц обладает специфическими чертами. Более того, однообразия, стереотипности в этих процессах не наблюдается даже между единицами одного класса.

Малоизученными в этом отношении являются фразеологические единицы русского языка, хотя «установление объективных закономерностей образования и развития несвободных сочетаний слов» считалось основной задачей фразеологии еще на заре ее становления как особого раздела науки о языке [1]. Разработка теоретических основ, утверждение самостоятельного статуса фразеологических единиц требовали ограничения языкового материала определенными хронологическими рамками. Вследствие этого в поле зрения ученых оказывался в первую очередь фразеологический состав современного русского языка, доступный интроспективной методике исследования, доступный для лингвистического экспериментирования. Однако стремление к более полному знанию об объекте изучения, необходимость представить его во всех опосредованиях требует исторического подхода к фразеологической системе.

Работы по исторической фразеологии последних десятилетий свидетельствуют о возросшем интересе к названной проблематике и позволяют уже наметить некоторые общие направления ее изучения. Можно говорить о двух исследовательских тенденциях: 1) описание фразеологического состава русского языка определенной исторической эпохи; 2) выявление изменений, произошедших во фразеологическом составе языка за определенный исторический промежуток времени [2]. Теоретические и практические достижения современной фразеологии открывают новые перспективы для исследования динамики фразеологической системы. Так, в историческом аспекте может быть рассмотрено соотношение путей эволюции в лексике и фразеологии. Как представляется, различны уже движущие силы этих процессов: история слов и лексической системы более зависит от экстралингвистических факторов, тогда как для фразеологического состава большее значение приобретает интралингвистическая обусловленность его динамики. На наш взгляд, об этом косвенно свидетельствует сохранение в живом употреблении фразеологизмов-идиом, компонентный состав которых не поддается этимологической расшифровке, например, *турусы на колесах*. Изменения в сфере фразеологии обусловлены не столько изменениями во «внешнем мире», сколько сдвигами в тех парадигматических и синтагматических отношениях, в которые включаются отдельные единицы в системе языка. Иными словами, фразеологизм более подвержен давлению системы, чем слово.

Динамический аспект изучения фразеологии русского языка выявляет такие факты, которые могут быть рассмотрены в связи с проблемой совершенствования языка в целом и его отдельных подсистем. Как и в лексике, этот процесс связан не только с количественным увеличением числа фразеологических единиц, но и с их качественными изменениями. Во фразеологии такие изменения имеют ярко выраженный характер и охватывают в первую очередь сферу семантики, поскольку возникновение абсолютно новых фразеологизмов — явление более редкое, чем появление слов-неологизмов, «старое» здесь преобладает над «новым». Так называемые неофразеологизмы (*отличный выбор*, *раскройте возможности современного города*, *полный фарш*, *руки из плеч*) функционируют как устойчивые и воспроизводимые обороты либо в пределах определенной речевой сферы, определенного речевого жанра, либо в даже в отдельном тексте [3]. Кроме того, «количество определенных «единиц» языка само по себе еще мало о чем говорит. Изобилие в языке бывает результатом не только его богатства, но и его бедности» [4].

Совершенствование фразеологической системы современного русского языка связано с изменением ее функциональных возможностей, в котором проявляется общее стремление языка более адекватно передавать содержание мыслей и чувства людей, живущих в обществе [5]. Если понимать под функцией языковой единицы ее назначение в процессах коммуникации, то для изучения функционирования фразеологизмов особую значимость приобретают их синтагматические свойства, раскрывающие активность их участия в производстве связной речи. Наблюдаемые изменения этой активности составляют сущность того явления, которое называем динамикой лексико-фразеологических связей. Понятно, что наиболее явными эти различия будут между

единицами крайних временных состояний фразеологической системы и всего литературного языка в целом. Для русской фразеологии это XVIII век — период формирования основной массы фразеологических единиц — и современный язык с его сложившейся фразеологической системой. Сопоставление сочетаемости фразеологизмов в «крайние» моменты их существования не только обнаруживает изменения их системных синтагматических свойств, но и в самих изменениях позволяет увидеть основную тенденцию развития фразеологического значения.

Сопоставительный анализ в первую очередь выявляет динамику синтаксической сочетаемости многих фразеологизмов, обусловленную собственно языковыми факторами. Этот процесс характеризуется исключительным единообразием: синтаксическая сочетаемость всех исследованных единиц сократилась в сопоставлении с их возможностями в языке XVIII в. Например, фразеологизм *греть руки* в современном употреблении управляет формой *на чем*. Другая подчиненная форма — творительный беспредложный — приводится в словаре с пометой *устар.*, а формой *около чего* управляет только морфологический вариант *нагреть руки*. Данные Словаря Академии Российской и литературных текстов XVIII в. позволяют очертить для него более широкий круг управляемых форм: *на чем, в чем, около чего, от чего*. Фразеологизм *ломать голову* в современном употреблении управляет только формой творительного падежа с предлогом *над*. В языке XVIII в. его синтагматические связи были гораздо разнообразнее: *ломать голову над чем, на что, (придаточное изъяснительное)*. Кроме того, его употребление в художественных текстах позволяет предположить возможность двойного управления: *ломать голову кому чем*: Да полно пустошью мне голову ломать; Поди: к обедне мне давно пора уж поспешать (Капнист, Ябеда). Вполне допустимо, что в этом случае у него реализуется новый, не зафиксированный словарями оттенок значения — *затруднять кого-либо решением чьих-либо проблем*.

Предельно разнообразной в языке XVIII в. была синтаксическая сочетаемость фразеологизма *бить челом*. По сравнению с современным употреблением его управление допускало не только большее разнообразие самих падежных форм, но и большую свободу грамматического наполнения: *бить челом кому, за что, чем, что, на кого, на кого в чем, (инфинитив с объектным значением), (придаточное изъяснительное)*. Такое разнообразие грамматического наполнения объектной позиции объяснимо тем, что в это время этимологическое значение фразеологизма (стоя на коленях, делать низкие поклоны, касаясь головой пола, земли) было более обращено в настоящее, чем в прошлое, о чем свидетельствуют управляемые формы, которые не разграничивают, а объединяют этимологическое и актуальное значения: *бить челом вместе с кем* — ...должен был в своей надменности ...*бить ему челом вместе с рабами* (Карамзин, История государства Российского). Интересна динамика внешних связей фразеологизма *в ус не дуть*. В современном русском языке он имеет замкнутую структуру и включает факультативный компонент *себя*. Его использование в текстах XVIII в. позволяет предположить, что местоименная форма не входила в состав фразеологизма, а образовывала его объектное окружение: *Не дую в ус ему*, сидя в гражданской я (Капнист, Ябеда).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что изменения в синтагматике коснулись только объектного окружения, так как грамматическое наполнение субъектного окружения — имя в именительном падеже — предопределено для глагольных фразеологизмов их процессуальным значением. Напротив, изменения лексической сочетаемости охватывают оба типа окружения и характеризуются разнообразием и разнонаправленностью процессов, в которых они проявляются. Вместе с тем, все эти изменения, как бы разнообразны они ни были, связаны с преобразованиями внутренней семантической структуры фразеологических единиц, причем в разных синхронных срезах языка предстают одновременно и как причина, и как следствие.

Исследование динамики лексических связей, проведенное в рамках четырех минимальных семантико-грамматических классов — лицо, не-лицо, конкретный предмет, абстрактный предмет — позволяет выявить общие закономерности в развитии окружения фразеологических единиц и представить их в обобщенном виде, не растворяясь в частных наблюдениях.

Анализ языковых фактов свидетельствует о том, что эволюция лексического окружения фразеологизмов и соответственно эволюция их семантики включает несколько видов преобразований.

Преобладающим оказалось сужение объема сочетаемости, отражающее преобразование полисемантических единиц в моносемантические и послужившее причиной этого процесса. Так, фразеологизм *помазать по губам* в языке XVIII в. допускал сочетаемость «справа» с именами двух семантических классов — со значением лица и отвлеченного предмета: 1) *кого*. В просторечии говорится, когда кто кого утешает пустой надеждою. 2) *чем*: поверхностное, малое имеет знание о чем [6, IV, с. 11]. В современном русском языке он сохранил только первую возможность и соответственно одно значение: *обещать что-либо, не выполняя обещанного*. Подобным же образом изменилась лексическая сочетаемость фразеологизма *прижать к ногтю*. В сочетании с именами конкретно-предметного класса он имел значение *притаить, присвоить себе принадлежащее другим*, а с личными существительными — *обуздать, умалить чью вольность* [6, IV, с. 549]. В современном языке у него сохранился только второй тип окружения, а вместе с ним и второе значение. Можно предположить, что в данном случае изменение синтагматики «справа» и упрощение семантической структуры фразеологизма было вызвано давлением фразеологической системы. Дело в том, что фразеологизм *прижать к ногтю* в первом значении имел синоним *прибирать к рукам* — *присваивать, захватывать насильно, припрятывать*, который и вытеснил его употребление с этим значением.

В изменениях семантики второго актанта в высказываниях с глагольными фразеологизмами отражаются изменения в смысловой структуре такого рода предикатов, охватывающие разные ее компоненты. Один из таких вариантов выявляется при проспективном анализе сочетаемости фразеологизма *набить руку*. В языке XVIII в., насколько позволяют судить данные словарей и исследованных текстов, этот фразеологизм отличался малой активностью и имел специализированное значение: приучаться твердо писать или играть на каком-либо орудии мусикийском или в игре какой [6, V, 204]; см. также: *радуюсь, что ты в приказе набил руку так твердо, что своим четким письмом и самому слепому судье можешь понравиться* (Крылов, Почта духов). Сопоставление с его функционированием в современном русском языке позволяет предположить, что развитие семантики этой единицы шло в сторону отвлеченности: об этом говорит закрепление в окружении «справа» абстрактных имен: *набивать руку в чем, на чем* — приобретать умение, сноровку опыт в каком-либо деле [7, с. 259].

Иные изменения претерпевает семантическая структура фразеологизмов *садиться на шею* и *лезть в гору*. Они оказываются связанными с изменениями семантики первого актанта. Так, многозначная единица *садиться на шею* при субъекте со значением лица имела значение *быть на содержании, жить чужим трудом*, а при субъекте со значением каузатора — *дорого обходиться, требовать много усилий: ...перевозка моя менее нежели на половине дороги села мне на шею* (Нарежный, Российский Жильбляз). В современном употреблении эта единица утратила отвлеченную сочетаемость, но сохранила многозначность за счет формирования нового значения *подчинять себе, ставить в полную зависимость*.

Фразеологизм *лезть в гору* в XVIII в. в каждом из двух значений сочетался с субъектным окружением с семантикой лица: 1) упорствовать, не соглашаться на что, требовать многого; 2) ...в знать приходиться, богатеть [6, V, с. 231]. В современном русском языке он допускает в позиции первого актанта также и абстрактные имена, при которых реализуется новое значение: 2) Развиваться в благоприятном направлении, успешно. О чем-либо. Оно становится основным во внутренней иерархии значений этого фразеологизма, тогда как занимавшее ранее эту позицию значение трактуется как производное [см., например, 7, с. 181]. Утрату фразеологизмом *лезть в гору* своего исторически исходного значения можно объяснить слабой мотивирующей связью со вторым значением, которая еще более ослаблялась существованием во фразеологической системе соотносительного по семантике фразеологизма *лезть на стену*. Вероятно, произошло перераспределение трех значений между двумя единицами, в результате которого фразеологизм *лезть на стену* стал единственным носителем значения «приходить в крайнее раздражение, исступление» [7, с. 224].

Итак, то явление, которое мы называем динамикой лексико-фразеологических связей, складывается из разнообразных процессов, что в свою очередь свидетельствует о сложных путях формирования семантики фразеологизмов современного русского языка: его нельзя свести ни к расширению, ни к опрощению семантической структуры фразеологизмов. Безусловно, рассмотренный в нашей статье фактический материал, отражающий динамику лексико-фразеологических связей, не позволяет сделать окончательные выводы об особенностях совершенствования фразеологической системы русского языка, однако некоторые обобщения представляются возможными, так как в изменениях сочетаемости отдельных единиц отражаются общие закономерности и основные направления семантической эволюции фразеологизмов, поскольку всякое отдельное есть лишь проявление общего.

Предварительные итоги наших наблюдений состоят в следующем: 1) изменения синтаксической сочетаемости фразеологизмов подчинены тенденции к устранению тех внешних связей, в которых прослеживается влияние живой формы словосочетаний, являющихся их словообразовательной базой. В результате повышается семантическая целостность единиц, степень идиоматичности; 2) динамика лексической сочетаемости выявляет, с одной стороны, стремление фразеологической системы к функциональной специализации своих единиц, а с другой, усиливающуюся отвлеченность и обобщенность их значения.

1. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования) // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 128-129.
2. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. Ростов-на Дону, 1977. 198 с.
3. Скнуарев Д.С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговый аспекты. М., 2015. С. 27.
4. Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка. М., 1977. С. 5.
5. Там же. С. 39.
6. САР: Словарь Академии Российской. СПб., 1789-1794. Ч. I-VI.
7. ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. М., 1986. 543 с.

#### References

1. Larin B.A. Ocherki po frazeologii (o sistematizatsii i metodakh issledovaniya) // Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie. M., 1977. S. 128-129.
2. Gvozdarev Yu.A. Osnovy russkogo frazeobrazovaniya. Rostov-na Donu, 1977. 198 s.
3. Sknarev D.S. Yazykovye sredstva sozdaniya obraza v reklamnom diskurse: semanticheskii, pragmaticheskii, marketingovyy aspekt. M., 2015. S. 27.
4. Budagov R.A. Chto takoe razvitie i sovershenstvovanie yazyka. M., 1977. S. 5.
5. Ibid. S. 39.

6. SAR: Slovar' Akademii Rossiyskoy. SPb., 1789-1794. Ch. I-VI.
7. FSRYa: Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka / Pod red. A.I.Molotkova. M., 1986. 543 s.

**Didkovskaya V.G. Syntagmatics of phraseological units as cause and effect of their semantic transformations.** In article compatibility of verbal phraseological units in diachronic aspect is analyzed: in the literary language of the XVIII century and modern Russian. Comparing ways of expression of a subject and object environment, the author reveals some general tendencies of development of semantic structure of phraseological units which considers as the evidence of improvement of phraseological system of Russian.

**Keywords:** phraseological unit, phraseological system, semantic structure, sintagmatika, environment.

Сведения об авторе. В.Г.Дидковская — доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русского языка; Гуманитарный институт Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; [pobeda.49@yandex.ru](mailto:pobeda.49@yandex.ru).

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.12.2015.